

РАЗДЕЛ IV
РЕЛИГИОЗНЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ
ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

ЖЕНСКОЕ ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ДАГЕСТАНЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ*

Алиса Романовна Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Данная статья посвящена изучению феномена женского исламского образования на Северном Кавказе и, в частности, в Дагестане как республике с сильной исламской традицией, с одной стороны, и регионе, где сохраняются риски социально-политической дестабилизации, с другой. В статье освещается место женщин в обществе с точки зрения исламской традиции, анализируются особенности функционирования системы исламского образования на Северном Кавказе в советский и постсоветский периоды, а также приводятся основные характеристики современного женского исламского образования в Дагестане.

Введение

В постсоветский период в регионах России актуализировался поиск индивидуальной и групповой идентичности, в том числе религиозной, проявления которой подавлялись во времена Советского Союза. На этом фоне в республиках с высоким процентом мусульманского населения стал фиксироваться запрос на исламизацию (Pilkington, Yemelianova 2003), что нашло свое выражение в том числе в появлении различных исламских течений, а также росте числа исламских образовательных учреждений. В основном они ориентированы на мужчин, однако появляется все больше и женских отде-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

лений (Malashenko, Nuritova 2009). И если в первом случае исламское образование вписывается в карьерную траекторию студентов и становится площадкой для дальнейшей социализации в публичном пространстве, то женское исламское образование формирует у студенток набор ролей в пространстве приватном, что зачастую вступает в некоторое противоречие с историческими и традиционными практиками того или иного региона.

Мусульманскую умму в России условно можно разделить на две крупных составляющих: первая – мусульмане Поволжья и Урала, вторая – мусульмане республик Северного Кавказа (Ланда 1995; Юнусова 2013). Для первых характерна принадлежность к исламу суннитского толка ханафитского мазхаба. Среди вторых преобладают последователи шафиитского мазхаба и джафариты (община азербайджанцев-шиитов) на юге Дагестана. В качестве кейса для данного исследования был выбран именно Дагестан – регион, в котором, с одной стороны, сильна исламская традиция, а с другой стороны, исторически фиксируются практики включения женщин в публичное пространство, усиливающиеся в последние годы в контексте рисков социально-политической дестабилизации. Эти тенденции, а также тот факт, что в настоящее время регионы Северного Кавказа и, в частности, Дагестан являются лидерами среди российских регионов по числу исламских образовательных учреждений, делает этот регион наиболее резонансным с точки зрения изучения системы исламского образования в целом, и женского исламского образования – в частности.

Женщины в исламской традиции Северного Кавказа и на современном этапе

Распространение ислама на территории Северного Кавказа и, в частности, Дагестана, началось в VII веке в результате арабских завоеваний. Э. Джулиано (Giuliano 2005) отмечает, что мусульмане в этом регионе не сформировали сплоченного сообщества, объединенного общими убеждениями и политическими предпочтениями. И если мы говорим о восприятии места женщин в обществе с приходом ислама, то в этом случае стоит выделить два макроуровня: во-первых, позиция шариата по отношению к женщинам в мусульманских обществах; и, во-вторых, специфика исламской догмы в

Дагестане, сформировавшейся под влиянием шафиитского мазхаба (Matsuzato, Ibragimov 2005).

Что касается первого аспекта, то, несмотря на существование множества толкований, связанных с правами женщин, можно выделить некоторые императивные нормы шариата применительно к данному вопросу. Среди них одной из главных является максима, согласно которой «презумпция в религиозных вопросах – это строгое следование тому, что прямо предписывает Аллах, а в светских вопросах – новаторство» (Сюкияйнен 2012). Иными словами, в тех сферах, которые не были напрямую связаны с шариатом, допускалось обращение к правилам, разработанными на основе тех или иных существующих практик. Схожей точки зрения придерживался, к примеру, средневековый мусульманский ученый Ибн Рушд (Ibn Rushd 2002), подчеркивая, что женщина обладает неотъемлемым статусом в обществе, имея равные с мужчиной социальные и политические права. Имея также в виду известное высказывание пророка Мухаммеда «Женщины – сестры мужчин» и суру Корана «О люди! Бойтесь вашего Господа, Который сотворил вас из одного человека, сотворил из него пару ему и расселил много мужчин и женщин, произошедших от них обоих» (4:1) (Крачковский 2010), мы можем сделать вывод, что традиция шариата в целом основана на принципе равенства мужчин и женщин.

В то же время, мы имеем дело с ситуацией, когда в шариате нет прямого указания на лишение женщин каких-либо социальных прав или личных свобод, однако ислам закрепляет за женщиной целый ряд брачных и семейных обязательств, выполнение которых является отражением основных принципов шариата и фактически ставит женщин в зависимость от выполнения семейного долга (Сюкияйнен 2015: 30). Следует учитывать и тот факт, что упомянутый выше шафиитский мазхаб, распространенный в России на территории Дагестана, Чечни и Ингушетии, заимствовал у маликитов принцип поиска решения, основанного на понятии общей выгоды. Таким образом, ислам обладает потенциалом адаптации к меняющимся условиям, национальным особенностям и образу жизни (Ware, Kisriev 2000).

В этом смысле неудивительно, что относительно свободный статус женщин на территории Дагестана не противоречил исламским догмам: напротив, широкий спектр возможностей для толко-

вания, которые Коран и Сунна предоставляли с точки зрения понимания положения женщин в обществе, позволяли им органично вписываться в конкретные исторические ситуации. А если мы говорим о более современном периоде, то на фоне ускоренной урбанизации, распространения информационных технологий и повышения уровня образования молодежи включение женщин в общественное пространство стало еще более признаваемым феноменом.

Исламское образование в советский и постсоветский период

Сложившаяся в дореволюционной России система исламского образования была фактически разрушена в советское время (поэтому можно утверждать, что с момента распада СССР и до настоящего времени она находится в процессе институционализации) (Шаповалов 2011). Ислам вытеснялся из общественной и культурной жизни страны, а исламские учебные заведения в этот период появились только в Узбекистане (Мухаметшин 2015). Главным образом указанные процессы затронули исламское образование высшего и среднего уровня, начальное же сохранилось, став более частным, домашним и тайным (Iarlykarov 2003; Ахмадуллин 2015).

Постсоветский период в целом был временем религиозного энтузиазма и подъема: после нескольких десятилетий провозглашаемого атеизма религия снова стала играть важную роль в жизни людей. Как следствие, стали появляться различные мусульманские учебные заведения. Возникновение первых из них относится к концу 1980-х гг. и, как правило, это были учреждения, финансируемые по инициативе зарубежных мусульманских благотворительных организаций (Мухаметшин 2015). Система исламского образования после распада Советского Союза в целом начала восстанавливаться, однако фактически она стала воспроизводить традиционный компонент, который имел место в начале XX в., то есть уровень средней или даже начальной школы (Iarlykarov 2003).

Одной из главных тенденций 1990-х гг. для мусульманской молодежи стала также возможность получать высшее исламское образование за рубежом. Невозможность получить качественное исламское образование на родине подталкивала молодых людей массово уезжать за границу для обучения, что привело к усвоению ими

идей и традиций, нехарактерных для мусульман России, а иногда и восприятию радикальных настроений (Хайретдинов 2012).

Нулевые годы характеризовались стабилизацией стихийного роста числа исламских образовательных учреждений, а также формированием ядра преподавателей религиозных дисциплин и собственных образовательных программ. В 2010 г. для содействия консолидированному развитию исламского образования был создан Совет по исламскому образованию (СИО), в который изначально вошли более двадцати учебных заведений, принадлежащих различным духовным управлениям и мусульманским организациям. Впоследствии список вузов и средних учебных заведений расширился.

В 2006 г. была разработана Концепция развития исламского образования в России (Совет муфтиев России 2021), в которой в общих чертах обрисовывалась система исламского образования и программа действий – в частности, утверждение образовательных стандартов, аттестация исламских учебных заведений, унификация выдаваемых дипломов и т. д. А документ 2015 г. – Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама – уже в большей степени был сфокусирован на противодействии распространению радикальных исламских идей.

Одним из факторов, определяющих развитие системы исламского образования, является отношение к ней самих учеников и студентов, а также их родителей. Так, если, скажем, в Татарстане перевес на стороне родителей, которые хотели бы, чтобы их дети получали образование в области религии, то в Дагестане это соотношение оказывается обратным: в этом случае число старшеклассников, которые видят свое дальнейшее профессиональное образование в этой сфере, превышает количество родителей, разделяющих похожую точку зрения (Шаповалов 2011). Отмечаются и проявления исламофобии на Северном Кавказе в контексте негативного отношения к строительству исламских учебных заведений (Аккиева 2014).

Описанные тенденции применительно к Северному Кавказу и Дагестану, в частности, могут объясняться, с одной стороны, сохранившимися у поколения родителей установками советского времени, а с другой, как страхом перед возможной радикализацией своих детей в случае выбора ими религиозного трека карьеры, так

и боязнью негативной реакции со стороны силовых структур. Эта ситуация выглядит особенно проблемной в республике, где есть сильный запрос на формирование религиозной идентичности у постсоветской молодежи и где действительно повышены риски радикализации, в борьбе с которой официальное исламское образование как раз может выступать нивелирующим инструментом.

Женское исламское образование в постсоветский период

Как уже было отмечено выше, после распада Советского Союза и реактуализации интереса к религии в Дагестане возродились как традиционные для республики движения, так и появились новые, принесенные молодыми людьми, которые воспользовались возможностью учиться в исламских центрах Ближнего Востока. Процессы реисламизации в настоящее время по-разному воспринимаются разными социальными группами. Для части молодежи крупных городов эта тенденция выступает скорее негативным фактором и стимулирует их переезд из республики в поиске более светской атмосферы. Другие же, в том числе девушки, приходят к религии самостоятельно, зачастую наперекор родственникам (Казенин, Стародубовская 2016), и ислам становится для них способом заявить о собственной идентичности, в противовес правилам, транслируемым «советским» поколением родителей. В этом случае нередко девушки учат арабский язык и сами читают Коран, а не его интерпретации, что, вопреки ожиданиям, приводит их к пониманию собственной значимости в обществе. Часто, ссылаясь именно на Коран, они обосновывают свое право на образование, ведение бизнеса или участие в принятии общественно значимых решений.

Несколько иначе обстоят дела с официальным исламским образованием, которое начало распространяться тогда же, в ранний постсоветский период. Стоит сразу оговориться, что исламские образовательные учреждения, учрежденные муфтиятом РФ, – это один из многочисленных социальных паззлов дагестанского общества. В настоящий момент его нельзя назвать доминантным или даже широко распространенным (таких исламских университетов в Дагестане шесть), однако постепенно формируется тенденция все большего включения молодых людей в эту образовательную среду. В университетах учатся в основном мужчины, однако именно на

примере женских отделений можно наиболее отчетливо проследить транслируемые ими установки¹.

Женские отделения есть в исламских университетах в Махачкале, Буйнакске и Дербенте. Обучение раздельное, программы мужских и женских отделений также разнятся (последние «проще», так как исключены предметы, готовящие студентов стать имамами, кроме того, женщинам не преподают дисциплины, связанные, к примеру, с исламским правом). Еще одним важным отличием в образовательных подходах является гораздо более сильный упор на воспитательные приемы, нежели при работе со студентами мужского пола. Так, преподаватели женского отделения в Дербенте отмечают, что «больше внимания уделяется воспитанию, предназначению женщин, ведь в обществе у нас [с мужчинами] разные цели». В соответствии с этими запросами корректируются и образовательные программы – в них включаются «женские» аспекты, касающиеся правил поведения в семье, общения с мужем и родственниками, воспитания детей и т. д. Получение светского образования параллельно с исламским не запрещается, но как правило, оно сводится к сугубо прикладным аспектам, которые могут помочь женщине в быту: курсы шитья, сестринского дела и пр.; в отдельных случаях девушки учатся очно или заочно в других университетах.

Преподаватели женских отделений отмечают, что за редкими исключениями родители с большой охотой отдают девочек учиться в исламские университеты, так как там строгая дисциплина (в Буйнакске, например, без сопровождения студентки не могут выйти в город). Руководство женского отделения так комментирует это: «После школы девочки свое мнение высказывают, характер показывают, свое я. Наша задача – дать воспитание... Родители, даже если сначала сомневались, потом благодарны» (исламский университет в Дербенте).

---

¹ Сбор эмпирических данных осуществлялся автором данной статьи во время двух экспедиций в Дагестан в мае и июне 2019 г. Первая была ориентирована на женщин в публичной сфере (светской), а вторая была посвящена исламским университетам Дагестана. В ходе июньского полевого исследования были проведены глубинные интервью и опросы руководителей и преподавателей шести вузов, учрежденных муфтиятом Дагестана, а также студентов мужских и женских факультетов этих вузов. Всего было опрошено около 70 преподавателей исламских университетов Дагестана и 90 студентов.

Моральный аспект системы исламского образования применительно к женщинам оказывается вполне работающим механизмом, формируя доверительную среду как во время учебы, так и после окончания девушками вуза. Так, одним из главных стимулов, учитываемых при поступлении, является мотивация. Сотрудники женских отделений исламских образовательных учреждений отмечают, что поступающим нравится система преподавания и атмосфера доверия, взаимопомощи и т. д. Кроме того, фактически сводится к нулю процент разводов среди выпускниц, поскольку складывается традиция обращения девушек к преподавателям в кризисных ситуациях, своего рода горячая линия психологического консультирования.

С религиозной точки зрения семейные права девушек относительно защищены: так, легитимизированной формой протеста со стороны женщины выступает ситуация, когда муж запрещает жене деятельность, связанную с соблюдением исламских традиций, в том числе обучение в исламском вузе – вплоть до одобрения развода со стороны религиозного сообщества. Другие проявления недовольства семейной жизнью купируются лекциями о важности послушания. Здесь, однако, стоит понимать, что доктрина терпеливости по отношению к власти присуща исламским учениям в принципе – ее наиболее ярко отражает хадис «Имам-деспот лучше смуты». То есть в истории арабо-мусульманских учений поводом для выражения недовольства правителем могло стать только его веротступничество – ровно такую же логику мы видим в ситуации с женским исламским образованием.

Что касается вопросов включения студенток и учениц медресе в публичное пространство, то здесь ситуация гораздо более однозначная: как правило, им предписывается скромность во всех отношениях, в том числе невмешательство в светские дела. Так, в общем-то, и декларируется: «наши девочки никуда не полезут». Публичная активность со стороны женщины считается неприемлемой, так как может привести к фитне (смуте). Кроме того, им «нежелательно светиться в социальных сетях», поэтому студентки практически полностью отрезаны от информационного пространства (стоит отметить, что в мужских отделениях также строгие требования к наличию, например, телефонов, однако аппараты, не обладающие функцией выхода в интернет, иногда разрешены – де-

вушкам же, проживающим в общежитиях, можно связываться с родственниками либо в строго определенное время, либо в присутствии преподавателей).

Специально для девочек в учебное время проводятся ликбезы в формате вопрос-ответ, целью которых является приобщение к исламской традиции. Литературной базой для них выступает пул книг, одобренных Экспертным советом Духовного управления мусульман Дагестана: «Секреты семейной жизни и тайны супружеских отношений», «Как стать любимой женой», «Праведная мусульманка», «В мире грехов», «Как правильно выбрать невесту» и др. В условиях информационного вакуума установки, транслируемые в указанных изданиях – набожность, добропорядочность, послушность, незаметность на публике, бережливость, довольствование немногим, благодарность и подчинение мужу и его родственникам, – принимаются некритически. Лишь в отдельных случаях можно услышать неуверенные рассуждения о том, есть ли в Коране прямые указания на подчиненное положение женщины.

Открыто порицается свободомыслие – «Лишена женственности женщина, думающая, что свобода и раскрепощенность – короткий путь к сердцу мужчины. Ей невдомек, что внешность так называемой свободной женщины сильно падает в глазах мужчины, который с содроганием взирает на нее» («Как стать любимой женой», с. 3), а также регламентируются условия занятости мусульманки – «Женщина, пожелавшая работать, должна получить согласие со стороны своего мужа, отца, брата, опекуна» («Праведная мусульманка», с. 37). Желательно, чтобы работа не занимала много времени и была связана с «женскими» сферами – воспитания и образования, здравоохранения (особенно гинекология), производства женской одежды, консультационных услуг и т. д. Среди прочего, нежелательным последствием занятости женщин на работе вне дома является вероятность возникновения интимных связей в офисе. Исламские установки в этом случае действуют в том же направлении, что и ряд мер по стимулированию рождаемости государством. В частности, с введением выплат ежемесячного пособия по уходу за ребенком до полутора лет. Если раньше эти деньги выплачивались только в том случае, если женщина успевала официально поработать, то сейчас пособие выплачивается даже при отсутствии

профессионального стажа, что сыграло немаловажную роль в социально-демографическом развитии региона.

Большинство девушек, и это с особой гордостью признается сотрудницами женских отделений, идут учиться «для себя», чтобы повысить шансы выйти замуж и применить полученные знания в семейной жизни. Замужество является единственно одобряемой жизненной стратегией, и все образовательные усилия так или иначе завязаны на этом факте (к слову, в мужских отделениях преподавания основ семейной жизни и правил поведения в семье не предполагается).

Замужество в среде учениц медресе и студенток исламских вузов официально происходит через сватовство, то есть договариваются семьи жениха и невесты, молодые люди, как правило, знакомятся накануне свадьбы или же непосредственно в ее момент. Здесь стоит понимать, что сватовство в принципе в Дагестане большинством девушек не воспринимается как явление, ущемляющее их права и свободы. Оно скорее видится как быстрый и удобный способ устроить свою жизнь, раз уж замужество выступает наиболее приемлемым сценарием, и, к тому же, в этом случае молодым людям не приходится прикладывать усилий к поиску партнера – за них это делают родственники. А для последних все церемонии, связанные с женитьбой младшего поколения, являются способом коммуникации между собой и в чем-то даже смыслообразующими сюжетами.

Важна и информационная изоляция: если у «светских» девушек есть возможность знакомиться с молодыми людьми в реальности и общаться с ними в соцсетях, то у учениц исламских вузов такого шанса нет даже теоретически, то есть в этом случае не ощущается депривации – если сама девушка в любом случае не сможет сделать свой выбор, то делегирование выбора родственникам воспринимается спокойно.

Итак, если для мужчин исламское образование дает пусть и ограниченные, но возможности развития и построения карьеры, то в случае с девушками это даже не теологическое образование в полной мере. Единственным неоспоримым плюсом (и, кстати, вполне серьезным преимуществом) является хорошее знание арабского языка на выходе, которое в принципе открывает возможности для дальнейшего образования или работы, скажем, в странах

Ближнего Востока. Но если среди выпускников мужских отделений на зарубежные стажировки кто-то все же уезжал, то среди девушек таких случаев зафиксировано не было. Путь переводчика для них тоже фактически закрыт. То есть знание языка замыкается в самой системе исламского образования, где для женщин допустимо вести курсы или преподавать там же.

Заключение

Итак, уже при первом срезе становится понятно, что система исламского образования, в частности, в Дагестане, в целом негативно сказывается на включении студентов (и в высокой степени – студентов) в общественные процессы республик. Ситуация не нова и даже не уникальна для Северного Кавказа – в целом похожие условия обучения и высокий уровень идеологизированности можно наблюдать в ортодоксальных духовных учебных заведениях и других религий. Однако с учетом растущего запроса на ислам в регионе и попытки властей использовать исламские вузы в борьбе против экстремизма, ситуация может привести к еще большему проседанию и без того многочисленных проблем ввиду недостатка квалифицированных кадров – в первую очередь «женских».

В завершение стоит отметить, что формирование сферы исламского образования и соответствующей инфраструктуры на Северном Кавказе не завершено и, следовательно, подвержено влиянию различных факторов (как внутренних, так и внешних), способных повлиять на основы понимания и интерпретации основных положений религии приверженцами ислама. Это, в свою очередь, создает «серую» зону потенциальных рисков радикализации рядовых мусульман, а также усиливает гендерный разрыв в направлении, не характерном для исторических и традиционных практик того или иного региона.

Библиография

- Аккиева С. 2014.** Исламские учебные заведения и мусульманское образование на Северном Кавказе: состояние и перспективы. *Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве* / Отв. ред. Д. В. Брилев. Казань: Казан. ун-т. С. 330–342.

- Ахмадуллин В. А. 2015.** Особенности советской системы двухуровневой подготовки исламских кадров: опыт и уроки. *Ислам в современном мире* 11(2): 153–164.
- Казенин К., Стародубровская И. 2016.** Северный Кавказ и современная модель демократического развития. URL: <http://polit.ru/article/2016/04/01/caucasus/#ultr010>.
- Крачковский И. Ю. 2010.** *Коран*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Ланда Р. Г. 1995.** *Ислам в истории России*. М.: Вост. лит-ра.
- Мухаметшин Р. М. 2015.** Стратегические направления развития мусульманского образования в России. *Ислам в современном мире* 11(4): 35–46.
- Совет муфтиев России 2021.** Концепция развития исламского образования в России *Совет муфтиев России* 27 августа. URL: <https://muslim.ru/articles/281/8580/>.
- Сюкияйнен Л. Р. 2012.** Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов. *Право. Журнал Высшей школы экономики* 3: 7–29.
- Сюкияйнен Л. Р. 2015.** *Ислам и права человека*. М.: РОССПЭН.
- Хайретдинов Д. З. 2012.** Основные тенденции развития мусульманских образовательных учреждений России. *Евразия: духовные традиции народов* 3: 47–49.
- Шаповалов А. В. 2011.** Проблемы институционализации исламского образования в современной России. *Власть* 3: 107–110.
- Юнусова А. 2013.** Мусульмане Урало-Поволжья в начале XXI в. *Россия и мусульманский мир* 10: 42–53.
- Giuliano E. 2005.** Islamic identity and political mobilization in Russia: Chechnya and Dagestan compared. *Nationalism and Ethnic Politics* 11(2): 195–220.
- Halpern J. M., Kaser K., Wagner R. A. 1996.** Patriarchy in the Balkans: Temporal and Cross-Cultural Approaches. *The History of the Family* 1(4): 425–442.
- Iarlykapov A. 2003.** Revival of Islamic Education in the Northern Caucasus. *Central Asia and the Caucasus* 1: 166–168.
- Ibn Rushd. 2002.** Commentary of Politics. Beirut.
- Joseph S. 1996.** Patriarchy and Development in the Arab World. *Gender and Development* 4(2): 14–19.
- Kuper A. (eds.). 2002.** *Conceptualizing society*. London: Routledge.
- Malashenko A. V., Nuritova A. 2009.** Islam in Russia. *Social Research: An International Quarterly* 76(1): 321–358.

- Matsuzato K., Ibragimov M. 2005.** Islamic politics at the sub-regional level in Dagestan: Tariqa brotherhoods, ethnicities, localism and the spiritual board. *Europe-Asia Studies* 57(5): 753–779.
- Pilkington H., Yemelianova G. (eds.). 2003.** *Islam in Post-Soviet Russia*. London: Routledge.
- Szolysek M., Klüsener S., Poniak R., Gruber S. 2017.** The patriarchy index: a new measure of gender and generational inequalities in the past. *Cross-Cultural Research* 51(3): 228–262.
- Therborn G. 2004.** *Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000*. London: Routledge.
- Turner B. S. 1999.** The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies. *Body & Society* 5(2–3): 39–50.
- Ware R., Kisriev E. 2000.** The Islamic Factor in Dagestan. *Central Asian Survey* 19(2): 235–252.